

Долг платежом красен, или как в кризис меняется подход к взысканию долгов

07.06.2016

СТАТЬИ

Максим Бобров, партнер «Бобров, Толстов и партнеры»

Алексей Толстов, партнер «Бобров, Толстов и партнеры»

Возврат долгов становится все менее предсказуемым. Законодатель и судебные органы последние полтора года пытаются оптимизировать предусмотренные процедуры в соответствии с новыми экономическими реалиями. Грамотное использование этих изменений позволит кредиторам и должникам более эффективно защищать свои права как в рамках процедуры банкротства, так и вне ее.

Кредиторы вновь получили возможность оспаривать сделки должника вне процедуры банкротства

Как показывает практика, недобросовестный должник в преддверии банкротства часто совершает действия по выводу своих активов, чтобы они не достались кредиторам.

До сентября 2013 г. в подобных ситуациях законодательство и судебная практика предоставляли кредитору несколько вариантов защиты:

во-первых, он мог оспорить сделки должника с третьими лицами еще до начала процедуры банкротства последнего на основании ст. 10, 168 ГК РФ как совершенные в результате злоупотребления правом;

во-вторых, вывод активов можно было оспорить позднее на стадии банкротства должника по основаниям гл. III.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Ситуация существенно изменилась после 1 сентября 2013 г. со вступлением в силу внесенных в Гражданский кодекс РФ изменений о недействительности сделок, исключающих возможность использования кредиторами первого способа защиты. Если

прежняя редакция п. 2 ст. 166 ГК РФ позволяла подавать иски о применении последствий ничтожных сделок любым заинтересованным лицам, то новая норма по общему правилу ограничила круг таких лиц только сторонами сделки.

В результате фактически единственным способом защиты прав кредитора стало инициирование им процедуры банкротства должника с последующим оспариванием в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве, его сделок как подозрительных или как совершенных с предпочтением. Вместе с тем указанный механизм, в отличие от оспаривания сделок на добанкротной стадии по основаниям ст. 10, 168 ГК РФ, является более сложным в реализации, затратным по времени и финансам и часто менее эффективным для кредитора.

Пытаясь исправить очевидные недостатки в новом правовом регулировании, Верховный суд РФ начал формировать практику, реанимирующую возможность кредиторов еще до начала банкротства оспаривать сделки должника по выводу активов на основании ст. 10, 168 ГК РФ, как эффективный и более быстрый механизм защиты.

Так, в Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015)[\[1\]](#) было включено дело, рассмотренное Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ, где кредитор пытался оспорить сделку своего должника о продаже третьему лицу единственного ликвидного актива по заниженной цене. Верховный Суд РФ признал возможность оспаривания кредитором такой сделки как заключенной в результате злоупотребления правом (ст. 10, 168 ГК РФ) и применения последствий ее недействительности.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» прямо разъясняется, что третье лицо, не являющееся стороной сделки, вправе подавать иск о применении последствий ее недействительности, если законом не установлен иной способ защиты права этого лица и его защита возможна лишь путем применения

последствий недействительности.

Впоследствии указанный подход был подтвержден правоприменительной практикой Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотревшей дело по иску ООО «Активити» и Вольвача В.Д. к Денисову Ю.С. и нескольким соответчикам[2]. В рамках судебного разбирательства истцы пытались оспорить сделку, в результате совершения которой ответчик, несмотря на наличие не погашенного перед ними долга, подтвержденного вступившими в законную силу судебными актами, подарил своей жене принадлежащие ему на праве собственности дом и земельный участок. Нижестоящие суды отказали в удовлетворении иска, сочтя, что кредиторы не вправе оспаривать сделку, поскольку не являются ее сторонами. Однако Гражданская коллегия Верховного Суда РФ отменила судебные акты, указав, что кредиторы вправе оспаривать договор дарения по основаниям ст. 10, 168 ГК РФ (злоупотребление правом), даже если не являются его сторонами.

Таким образом, в судебной практике на уровне высшей судебной инстанции наметилась положительная тенденция, направленная на расширение возможности кредиторов по оспариванию сделки, совершенной недобросовестными должниками.

Суды стали активнее привлекать к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, ответственных за доведение его до банкротства

Механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, действия которых привели к его банкротству, достаточно активно используется кредиторами после введения в 2009 г. данной процедуры в Закон о банкротстве.

Достаточно широкое определение контролирующего лица в ст. 2 Закона о банкротстве позволяет привлекать к ответственности как тех, кто непосредственно контролирует деятельность должника (единоличный исполнительный орган, мажоритарного акционера и пр.), так и тех, кто имеет возможность иным образом определять действия должника или

влиять на них (например, конечного бенефициарного владельца, дававшего должнику де факто обязательные для исполнения указания).

Вместе с тем, как показывают судебная практика, а также статистика привлечения к ответственности руководителей кредитных организаций, опубликованная на сайте ЦБ РФ [\[3\]](#), до недавнего времени в подавляющем большинстве случаев к ответственности привлекались только непосредственные руководители должника (генеральные директора компаний, руководители банков). Суды весьма осторожно и ограниченно подходили к трактовке понятия «контролирующее лицо», перекладывая всю полноту ответственности на единоличный исполнительный орган. Однако такой подход не всегда позволял реально защитить права кредиторов, поскольку взыскать недостающую сумму убытков, которая могла исчисляться сотнями миллионов рублей, с одного физического лица часто не представлялось возможным.

В последнее время в противовес указанной практике начала формироваться новая тенденция, в рамках которой суды стали относить к контролирующим лицам более широкий круг субъектов, включая в него, например, рядовых членов правления и совета директоров, а в ряде случаев – даже конечных бенефициарных владельцев бизнеса.

Так, в рамках одного из дел суды первой и апелляционной инстанций отказали в привлечении к субсидиарной ответственности членов совета директоров должника, решив, что они не могут быть признаны контролирующими лицами [\[4\]](#). Однако Арбитражный суд Дальневосточного округа отменил судебные акты, указав, что члены совета директоров, одобрившие сделку, которая привела к уменьшению конкурсной массы, могут быть привлечены к субсидиарной ответственности как контролирующие лица, если будет доказано, что у них имелись полномочия давать должнику обязательные для исполнения указания либо иным образом влиять на совершаемые им действия, в том числе при заключении данных сделок.

В другом деле Арбитражный суд Московского округа отменил судебные акты нижестоящих

судов, указав, что суду первой инстанции в рамках привлечения к субсидиарной ответственности лиц, фактически контролировавших должника (ООО «Миракс-Констракшн», входящее в группу компаний «Миракс»), необходимо дать оценку имеющимся в деле доказательствам, подтверждающим осуществление фактического контроля над обществом С.Ю. Полонским и другими привлекаемыми к ответственности физическими и юридическими лицами данной группы[5].

Наиболее показательным на сегодняшний день является дело, в котором суд привлек к субсидиарной ответственности ряд лиц, контролирующих ЗАО «Межпромбанк», в том числе его бенефициарного владельца Пугачева С.В., сняв «корпоративную вуаль» с истинного владельца бизнеса[6]. В данном случае наличие фактического контроля было установлено на основании анализа системы владения и управления банком через многоуровневую структуру с использованием офшорных компаний, а также порядка личного согласования с Пугачевым С.В. основных решений со стороны руководителей и органов управления банка.

Развитие судебной практики в этом направлении повысит привлекательность процедуры банкротства, ведь благодаря ей шансы кредиторов на компенсацию своих финансовых потерь существенно возрастут.

Добровольная ликвидация компании-должника стала невозможной при наличии судебного спора с кредитором

Еще недавно при взыскании долгов кредиторы часто сталкивались с такой проблемой, как добровольная ликвидация недобросовестной компании-должника. Суть схемы сводилась к следующему. Когда кредитор обращался в суд с иском о взыскании задолженности с компании-должника, неожиданно выяснялось, что последняя находится в процессе добровольной ликвидации. Из-за небольших сроков и недостатков в нормативном регулировании указанной процедуры ситуация развивалась таким образом, что еще до вступления в законную силу судебного акта о взыскании долга по иску кредитора (на что в среднем обычно уходит от 4 до 6 месяцев) в ЕГРЮЛ уже вносилась запись о ликвидации

компании-должника. После этого суд закрывал производство по делу о взыскании кредитором задолженности из-за прекращения деятельности ответчика. В результате кредитор лишался юридической возможности принудительного взыскания долга, инициирования процедуры банкротства должника, получения прав на оспаривание его сделок по выводу активов и пр. Одним из немногих механизмов защиты кредитора в таких ситуациях было оспаривание в суде законности внесения в ЕГРЮЛ записи о ликвидации компании, но применение этой процедуры на практике могло занимать месяцы, а в итоге так и не приводить к реальным положительным результатам.

Причиной использования подобных незаконных схем являлись недостатки в правовом регулировании процедуры добровольной ликвидации компаний. Так, ликвидационная комиссия в процессе ликвидации компании-должника фактически могла игнорировать наличие судебного спора с кредитором. Это было связано с тем, что обязанность по бесспорному включению сведений о задолженности в промежуточный ликвидационный баланс, на основании которого осуществляются расчеты с кредиторами, возникает согласно п. 2 ст. 63 ГК РФ только для требований, подтвержденных вступившим в законную силу решением суда. В отсутствие такого решения ликвидационная комиссия формально выжидала предусмотренный п. 1 ст. 63 ГК РФ срок для направления требований кредиторами (не менее двух месяцев), составляла промежуточный ликвидационный баланс, в котором не учитывалась еще спорная на тот момент задолженность, и направляла соответствующее уведомление в регистрирующий орган. После этого процедура достаточно быстро завершалась ликвидацией компании.

31 марта 2015 г. вступили в силу изменения, внесенные в Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»[\[7\]](#), которые направлены на пресечение подобных недобросовестных действий. Так, ст. 20 Закона была дополнена п. 4, препятствующим продолжению процедуры добровольной ликвидации при наличии у ликвидируемого лица судебного спора с третьими лицами. Согласно положениям Закона теперь должник не вправе предоставлять в

регистрирующий орган уведомление о составлении промежуточного ликвидационного баланса до момента вступления в законную силу судебного акта по спору с кредитором.

Таким образом, внесенные изменения предоставляют кредитору возможность закончить судебный процесс по взысканию долга для осуществления дальнейших действий по защите своих интересов, не опасаясь внезапного исчезновения должника из реестра юридических лиц.

Новые возможности кредиторов в исполнительном производстве

Успешность процесса взыскания долга в значительной степени зависит от эффективности мер, принимаемых на стадии исполнительного производства в рамках принудительного исполнения судебного акта. В этой связи нельзя не отметить важность разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в Постановлении от 17.11.2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (далее – Постановление). Постановление получило прокредиторский характер и, безусловно, будет играть важную роль в процессе принудительного исполнения судебных актов. Остановимся на нескольких наиболее интересных разъяснениях, которые содержатся в нем.

Арест единственного жилья. Одно из наиболее важных разъяснений Постановления дано в п. 43, положения которого допускают арест единственного жилого помещения должника, включая возможность установления запрета на распоряжение им, вселение и регистрацию иных лиц.

Как известно, согласно ст. 446 ГПК РФ на единственное жилое помещение должника нельзя обратить взыскание по долгам. В связи с этим ранее практика исходила из того, что если обратить взыскание на такое имущество нельзя, значит, его нельзя и арестовать. Однако часто возникали ситуации, когда недобросовестный должник беспрепятственно продавал свое якобы единственное жилье третьим лицам, а кредитор ровным счетом ничего не

получал от такой сделки. Теперь в соответствии с указанным разъяснением должника заставят сохранять свое единственное жилье в юридической целостности и сохранности до тех пор, пока его долг не будет полностью погашен.

Обращение взыскание на часть земельного участка под единственным жильем

должника. Другое важное разъяснение касается обращения взыскания в том случае, когда у должника помимо единственного жилья есть еще земельный участок, на котором оно находится. Статья 446 ГК РФ также устанавливает общий запрет на обращение взыскание на такой земельный участок, однако Верховный Суд РФ разрешил обращать взыскание на ту его часть, которая явно превышает предельные минимальные размеры предоставления земельных участков.

Кроме того, обращение взыскания возможно тогда, когда доходы должника явно несоизмеримы объему долга и не позволяют удовлетворить его в разумный срок. Другими словами, должнику, зарплата которого столь мала, что кредитор вынужден ждать возврата долга годами, придется расстаться с частью земельного участка. Важно также отметить, что указанное разъяснение касается в первую очередь земель под индивидуальными домами и не затрагивает собственников жилья в многоквартирных домах, которым принадлежит только доля в праве общей собственности на земельный участок без возможности выдела таковой в натуре.

Банкротство физических лиц: когда суды стали отказывать должникам в праве начать жизнь с чистого листа

Прошло уже более полугодия с момента появления у граждан возможности получить освобождение от долгов перед кредиторами в рамках процедуры личного банкротства. По данным casebook.ru на 1 апреля 2016 г. предоставленной возможностью решило воспользоваться уже более 16 тыс. должников – физических лиц. Некоторые из них успешно прошли всю процедуру, после чего суды списали непогашенные долги (например, по делу № А43-26406/2015[8] должнику списали порядка 70 млн руб. долга перед банками). Те же, кто

подал заявление позднее, в настоящее время только переходят или должны перейти к последней процедуре в рамках дела о банкротстве – реализации имущества, чтобы по завершении таковой получить долгожданное освобождение от долгов. Однако надежды части должников могут и не сбыться в связи с тем, что в судебной практике появились первые случаи, когда суды после признания должников банкротами и введения процедуры реализации их имущества в конечном итоге отказали им в освобождении от долгов.

Так, мотивируя свою позицию, некоторые суды стали указывать на то, что основной целью банкротства является не освобождение физического лиц от долгов, а максимально полное проведение расчетов с кредиторами. Например, в рамках дела № А70-14095/2015^[9] Арбитражный суд Тюменской области установил, что у гражданина отсутствует какое-либо имущество, в связи с чем даже частичные расчеты с кредиторами не могут быть осуществлены. В сложившейся ситуации процедура банкротства будет сведена лишь к констатации факта отсутствия имущества и освобождению гражданина от обязательств, что не является правовой целью банкротства граждан. В результате должник не получил освобождения от долгов, так как суд прекратил производство по делу.

В другом нашумевшем деле гражданина Овсянникова В.А.^[10] Арбитражный суд Новосибирской области установил, что у должника нет имущества, которое можно было бы реализовать в целях расчета с кредиторами. Проанализировав обстоятельства возникновения задолженности, суд пришел к выводу о недобросовестности должника, который в ущерб кредиторам принял на себя заведомо неисполнимые обязательства. В итоге, завершив процедуру реализации имущества, суд указал на невозможность применения в отношении должника правила об освобождении от долгов.

Таким образом, если раньше суды достаточно формально подходили к процедуре банкротства гражданина, в конечном счете, списывая все непогашенные долги, то теперь начинает прослеживаться тенденция более тщательного анализа целей обращения с заявлением о банкротстве и обстоятельств, связанных с возникновением задолженности, для того чтобы не допустить массового списания долгов недобросовестных заемщиков.

Признать долг супруга в качестве совместного супружеского долга стало сложнее

Как показывает практика, люди достаточно часто берут заем (кредит) для собственных нужд без ведома супруга (супруги). В случае невозврата денежных средств кредитор пытается взыскать их уже с обоих супругов в качестве их совместного долга. Особо актуальной эта проблема становится при расторжении брака, когда необходимо разделить не только нажитое общее имущество, но и общие обязательства.

Для признания долга совместным кредиторы используют п. 2 ст. 45 СК РФ, согласно которому супруги несут солидарную обязанность по обязательству одного из них в том случае, если все полученное по этому обязательству было использовано на нужды семьи. До последнего времени суды при рассмотрении таких споров, как правило, вставали на сторону кредиторов, часто придерживаясь формального подхода, в соответствии с которым, если договор займа заключен во время брака, то презюмируется (пока не доказано обратное), что заемные средства потрачены на нужды семьи, а значит, долг является общим [\[11\]](#).

13 апреля 2016 г. Верховный Суд РФ опубликовал Обзор судебной практики за № 1 (2016), где в п. 5 разд. III дал толкование положениям п. 2 ст. 45 СК РФ, не согласившись с указанным формальным подходом нижестоящих судов [\[12\]](#). Так, Верховный Суд РФ указал, что при заключении одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ. При этом доказывание таких обстоятельств лежит на той стороне, которая претендует на распределение долга.

Изменения подхода к общим долгам супругов создает для кредиторов дополнительные риски, поскольку доказать общность супружеского долга становится значительно сложнее. В результате, например, банки, занимающиеся автокредитованием и выдачей необеспеченных потребительских кредитов, будут вынуждены пересмотреть схему работы с заемщиками путем введения дополнительных требований, например обязательного согласия второго супруга на получение кредита и т. п.

Конституционный суд разрешил кредиторам взыскивать долги более чем десятилетней давности

С 1 сентября 2013 г., как известно, вступили в силу внесенные в Гражданский кодекс РФ существенные изменения в отношении исчисления сроков исковой давности. Помимо ранее применявшихся сроков, не превышавших трех лет, появился новый пресекательный (объективный) срок исковой давности, равный 10 годам (п. 1 ст. 181, п. 2 ст. 196, п. 2 ст. 200 ГК РФ). В частности, он стал применяться к обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, и исчисляться со дня возникновения таких обязательств.

Ранее порядок исчисления срока исковой давности в подобных случаях был связан исключительно с моментом предъявления кредитором должнику требования об исполнении обязательств. Новые же положения получили обратную силу и стали применяться к тем требованиям, сроки предъявления которых не истекли до 1 сентября 2013 г. (п. 9 ст. 3, Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Изменения привели к тому, что кредиторы, выдавшие, например, займы до востребования более чем за 10 лет до вступления в силу изменений, де юре утрачивали право на получение денежных средств обратно в случае заявления должником об истечении объективного срока исковой давности. Такая ситуация сложилась у жителя Тулы Евгения Потоцкого. Сославшись

на истечение сроков исковой давности, суды отказали ему во взыскании долгов по бессрочным договорам займа, заключенным в 2000 г., требования по которым он заявил только в 2013 г. Не согласившись с выводами судов, истец обратился с жалобой в Конституционный суд РФ для проверки соответствующих положений закона.

15 февраля 2016 г. Конституционный суд РФ в своем постановлении признал не соответствующими Конституции РФ положения закона о применении объективного срока исковой давности к ранее возникшим обязательствам как лишаящие участников гражданского оборота, состоящих друг с другом в длительных (более 10 лет) договорных обязательственных правоотношениях, права на судебную защиту.

В настоящее время Министерством юстиции РФ уже подготовлен законопроект, согласно которому объективный срок исковой давности по всем требованиям из ранее возникших обязательств будет исчисляться с 1 сентября 2013 г. Таким образом, Евгений Потоцкий и другие подобные ему кредиторы смогут требовать от должников исполнения обязательств вплоть до сентября 2023 г.

Как видно из изложенного, подавляющее число указанных изменений имеет прокредиторский характер. Скорее всего указанный тренд сохранится и далее, ведь кризисные явления в экономике нашей страны будут требовать применения все более жестких механизмов взыскания долгов.

[1] Утверждено Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2015 г.

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ № 4КГ-15-54 от 01.12.2015 г.

[3] <http://www.cbr.ru/credit/likvidbase/LikvidBase.aspx>.

[4] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 06.10.2015 г. по делу № А73-20035/2009.

- [5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.10.2015 г. по делу № А40-61523/10-124-320Б.
- [6] Определение Арбитражного суда города Москвы от 30.04.2015 по делу № А40-119763/2010.
- [7] Изменения внесены Федеральным законом от 30.03.2015 № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».
- [8] Определение Арбитражного суда Нижегородской области от 11.04.2016 г. по делу № А43-26406/2015.
- [9] Определение Арбитражного суда Тюменской области от 07.04.2016 г. по делу № А70-14095/2015.
- [10] Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 24.03.2016 г. по делу № А45-24580/2015.
- [11] См.: например: апелляционное определение Алтайского краевого суда от 07.04.2015 по делу № 33-3110/2015; апелляционное определение Липецкого областного суда от 29.10.2014 по делу № 33-2967/2014; апелляционное определение Ульяновского областного суда от 23.06.2015 по делу № 33-2372/2015.
- [12] Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 г.

Адвокатское бюро «Бобров, Толстов и партнеры» совместно с журналом Legal Insight проводят бесплатный [бизнес-завтрак](#) 22 июня с 9.00 до 13.00, посвященный стратегиям и проблемам взыскания долгов в кризис, а также наиболее важным изменениям в законодательстве и судебной практике, произошедшим в указанной сфере за последнее

время. Спешите [зарегистрироваться!](#)

СТАТЬИ